

* Строчка из стихотворения поэта эпохи Тан Лю Чжунъюна «Ропот пограничника». Полное стихотворение (перевод Марии Исаевой):

За годом год он охраняет подступы к Нефритовой заставе,

С мечом в руках, с хлыстом и дни, и ночи напролёт.

Весною снег летит на земли у границы, накрывает травы,

И Хуанхэ к горе Хэйшань издалека несёт поток бурлящих вод.

Чжу Ди повел армию на север, направившись прямо к реке Керулен.

Пожилой старейшина отправился на переговоры с ханьским императором, но не вернулся. В ту же ночь четыре тюркских юноши прискакали назад на конях, привезя тело их вождя.

— Кто его убил? — дрожащим голосом спросил Тоба Фэн. — Кто?!

Юньци, положив руку на плечо Тоба Фэна, с большим трудом сквозь скорбь и гнев разобрал речь тюркских юношей и наконец облегчённо вздохнул.

Чжу Ди ещё не прибыл к границе. Авангард же состоял из десяти тысяч всадников под командованием Ин-гогуна Чжан Фу, сына Чжан Юя. Когда тюркский старейшина отправился на мирные переговоры, минские войска, проявив крайнюю высокомерность, потребовали передать оазисы в бассейне реки Керулен для обеспечения тылового снабжения армии Мин.

Вождь тюрков не мог согласиться на эти условия, но пошёл на уступки, намереваясь продолжить переговоры. Однако Чжан Фу, мало заинтересованный в этом заграничном небольшом племени, раз уж договориться не удалось, просто выгнал его из лагеря.

Отец Чжан Фу во время Войны ради преодоления трудностей стал заслуженным государственным деятелем и всегда держался надменно, а его приближённые и вовсе вели себя нагло. В конце концов они вытолкали тюркских послов из шатра, и из-за языкового барьера между сторонами вспыхнула драка. Десятки человек окружили и исколотили нескольких тюрков, в результате чего вождя забили до смерти.

Тюркские юноши, переполненные горечью и негодованием, все стояли с налитыми кровью глазами и что-то громко выкрикивали.

Чем быстрее они говорили, тем меньше Юньци понимал. К счастью, Фан Юй, услышал крики и уже вышел из шатра, внимательно их слушая.

Юньци спросил:

— О чём они говорят?

Фан Юй робко ответил:

— Говорят... что император Великой Мин прямо заявил: не нужно ни сражаться, ни вести переговоры. Войска займут берега реки Керулен в течение двух дней, а монголы и тюрки... все одинаковы.

Тоба Фэн, с покрасневшими глазами, взревел:

— Да чем они лучше монголов?!

Юньци воскликнул:

— Не горячись! Успокойся!

Юньци на мгновение задумался, затем прояснил ход мыслей:

— Войск Мин слишком много, к тому же зять — опытный боец, нельзя сталкиваться с ними напрямую!

— Нужно, чтобы женщины, дети, старики и оставшиеся монголы с того берега реки все вместе ушли на север. Пусть заберут припасы, воду, скот и отступят в пустыню. А мы останемся и прикроем их.

— Будем сражаться плечом к плечу...

Чжу Ди наступал быстро, но тюркские племена отступали ещё быстрее. Обозы скрылись в пустыне Гоби, и основные силы бесследно растворились. Отары овец, которых можно было увести, угнали, а тех, что не могли забрать, зарезали и бросили в реку. Юрты свернули, загоны сожгли, и их пламя озарило половину ночного неба.

Оба берега реки Керулен полностью расчистили, ни оставив минским войскам ни одной единицы припасов. Юньци и Тоба Фэн выделили триста стрелков с ружьями, чтобы те отступили вместе с соплеменниками и обеспечивали их защиту по пути, а сами во главе оставшихся двухсот человек поднялись на соседний холм неподалёку от оазиса.

За ними простиралась территория, контролируемая Северной Юань. Юньци, глядя вдаль, увидел бескрайние пески пустыни, гонимые ветром — именно то место, где они когда-то,

сбежав по реке Удин, встретились с Ма Саньбао в пустыне Гоби.

За какие-то несколько лет всё изменилось до неузнаваемости.

Яркое пламя пылало всю ночь и постепенно угасло. На следующее утро, когда над просторами Гоби взошло солнце, минские войска действительно появились, как и ожидалось.

Тоба Фэн затоптал костёр. В низине, у подветренной стороны скал, спали сотни тюркских воинов.

— Никогда не думал, что однажды придётся сражаться против своих же, — проговорил Юньци, наблюдая, как вдоль берегов реки Керулен разбивает лагерь огромная армия. Передовые отряды минских войск уже начали потихоньку ставить палатки.

— Спи, — беспечно произнёс Тоба Фэн. — Не бойся, когда начнётся бой, ши-гэ пойдёт первым, а ты присматривай за всем сзади.

Юньци рассмеялся:

— Раз вышла замуж за петуха — следуй за петухом, раз вышла за пса — следуй за псом*. Как же я могу просто наблюдать сзади?

* Раз вышла замуж за петуха — следуй за петухом, раз вышла за пса — следуй за псом (□□□□□□□□ □□) — обр. жена всегда следует за мужем.

Эти слова Юньци, хоть и были обращены к Тоба Фэну, больше походили на самовнушение:

— Я определенно буду стрелять.

Тоба Фэн с лёгкой улыбкой сказал:

— Слышал, не нужно повторять.

Фан Юй спросил:

— Разве император не твой зять? Почему бы тебе не поговорить с ним и попросить не занимать нашу землю? Разве так нельзя? Если он хочет воевать с монголами, зачем ему приходить к нам?

Юньци беспомощно ответил:

— Это надо спрашивать у него самого... — Не закончив фразу, Юньци с Тоба Фэном вдруг оба, словно громом поражённые, закричали: — Фан Юй!

Все отступающие отряды уже ушли в пустыню, а Фан Юй, оказывается, всё ещё был здесь. Более того, у подножия пустыни Гоби женщина с трудом медленно взбиралась вверх.

Когда Юньци это увидел, у него чуть не хлынула кровь изо рта. Им овладело полное отчаяние:

— Кто вам разрешил возвращаться?!

Чунь Лань, тяжело дыша, с огромным трудом забралась на вершину и ответила:

— Мой муж ещё здесь! Как же Лао-нян могла не вернуться!

Юньци и Тоба Фэн в один голос возмутились:

— Кто это тебе муж?!

Чунь Лань широко раскрыла глаза и указала на Фан Юя, которому только-только исполнилось восемь лет.

Юньци окончательно сдался.

В полдень весенняя песчаная буря сушила горло до боли. Чжу Ди выбрал для решающей битвы действительно неподходящее время. Основные силы минской армии наконец прибыли. Бескрайний военный лагерь теснился вокруг императорской палатки, укоренившейся у берега реки.

Тоба Фэн похлопал Юньци по плечу и протянул ему бурдюк с водой. Юньци, всё ещё сонный, сделал глоток, не выпуская из объятий Фан Юя.

— Припасы и вода почти на исходе, — перевернувшись, Юньци заглянул вниз с холма и с недоумением спросил: — Как думаешь, надолго он застрянет у нас дома?

Тоба Фэн фыркнул:

— Скоро он начнёт наступление.

— Они не успевают по пути пополнять припасы. Чем дальше он остаётся у реки, тем больше расходы, — оценил ситуацию Тоба Фэн.

В этот момент в небе раздался птичий крик. Тоба Фэн тихо свистнул и протянул руку.

Почтовый ястреб расправил свои белоснежные крылья, сливаясь с ясным небосводом, сделал несколько кругов и наконец опустился на руку Тоба Фэна.

Он снял с лапки ястреба кожаную трубку и сказал Фан Юю:

— Осторожнее, клюнет.

Фан Юй испуганно отдёрнул руку.

Юньци спросил:

— Какие новости?

Тоба Фэн ответил:

— Аргутай выслал небольшой конный отряд под командованием Есудера, который скрывается в пустыне, готовясь атаковать минские войска с фланга.

Тоба Фэн на мгновение задумался, затем на камне тонким углём написал ответное письмо, привязал его к лапке ястреба и снова отпустил птицу.

Юньци спросил:

— Так что же нам делать?

Тоба Фэн растерянно ответил:

— Не знаю. Может, сначала дадим им подраться, а потом нанесем внезапный удар?

«...»

Юньци не знал, смеяться ему или плакать:

— Внизу двести тысяч войск, которые вот-вот ринутся в пустыню и начнут сражаться, а у тебя до сих пор нет плана действий?

Тоба Фэн ответил:

— Спрятать игру в шелковых оческах. побеждать действие бездействием.

Когда он это произнес, в уголке его губ мелькнула лёгкая, уверенная улыбка.

Они ждали с рассвета до полудня, а затем с полудня до наступления темноты, и наконец войска Чжу Ди пришли в движение.

— Раз, пять... раз, десять... — ясные янтарные глаза Тоба Фэна пристально следили за происходящим у подножия горы.

Юньци бегло окинул взглядом лагерь и сказал:

— Тысяча сорок палаток. Зять оставил чуть больше десяти тысяч человек охранять провиант и фураж.

Тоба Фэн замолчал, но через мгновение у него появилась идея, и он спросил:

— Сейчас попутный ветер, твои стрелы смогут долететь до лагеря?

Юньци схватил пригоршню песка и дал ему просочиться сквозь пальцы, определяя силу ветра, затем сказал:

— Возможно, смогут.

Тоба Фэн подумал и добавил:

— Всё зависит от тебя.

Юньци сжал губы, тщательно всё взвесил и наконец произнёс:

— Здесь слишком далеко... Я сделаю все, что в моих силах. А что ты задумал?

Кратко обсудив план, Тоба Фэн повёл сотню тюркских стрелков вниз на равнину. В барханах пустыни Гоби скрывалось более сотни отличных скакунов, копыта которых уже обернули хлопковой тканью.

Тоба Фэн сел на коня и, ведя за собой отряд, обходным путём приблизился к главному лагерю Чжу Ди. В конце концов они остановились на северном берегу реки Керулен, по ту сторону воды, на почтительном расстоянии.

Ночь была темной, как тушь. На земле воцарилась гробовая тишина. Чжу Ди бросил в бой все силы, оголив тыл.

Юньци глубоко вдохнул и вытащил четыре длинные стрелы. Зажав их между пальцами, он взмахнул ими у воткнутого в землю факела и поджёг все разом.

Наконечники стрел, покрытые огненным маслом и мехом, яростно запылали, потрескивая. Фан Юй ахнул от изумления, но Чунь Лань тут же зажала ему рот рукой.

Юньци низким голосом сказал:

— Сейчас... не говори и не двигайся. И лучше даже не дыши.

Болтун Фан Юй возразил:

— Если не дышать, то я задохнусь!

Юньци закрыл глаза и с лёгкой улыбкой произнёс:

— Тогда задохнись.

И он открыл глаза.

Тяжёлый лук натянулся, став похожим на полную луну!

Четыре стрелы вылетели одновременно, словно метеоры, пересекающие ночное небо, или радужные дуги, разрывающие чёрную парчу. Всё мастерство стрельбы из лука, накопленное Юньци за всю жизнь, воплотилось в этом одном выстреле. Четыре огненные стрелы разорвали ночную тишину и, подхваченные ветром, устремились в лагерь минской армии!

Фан Юй резко моргнул, и в тот миг ему показалось, будто он увидел огненного феникса, расправившего крылья и взмывшего в небо. Птица преодолела расстояние в тысячу шагов и ворвалась в лагерь войск Мин!

Фан Юй громко ахнул, а Юньци спокойно улыбнулся:

— Теперь дышать можно.

— Что это было?! Я только что видел птицу!

Юньци устало вздохнул и с улыбкой ответил:

— Это уникальное мастерство, которому меня научила шинян, — «Стрела огненного феникса».

Едва он произнёс эти слова, как первая стрела, объятая пламенем, устремилась вниз, и из лагеря донёлся тревожный крик.

Вой Тоба Фэна пронёсся сквозь тёмную ночь. Три последующие стрелы Юньци с невероятной точностью попали в места хранения пороха, вызвав оглушительный взрыв!

Один взрыв повлёк за собой другие. Повсюду вспыхнули пожары, вызвав цепную реакцию. Бесчисленные солдаты минской армии закричали, прийдя в смятение. Они выбежали из лагеря и в спешке бросились к реке, чтобы набрать воды и потушить огонь.

Однако сотня тюркских всадников уже заняла позиции к северу от реки Керулен, держа в руках ружья и нацелив их на противоположный берег.

Пожар разгорался, пламя освещало путь почти на десять ли, и Тоба Фэн закричал:

— Огонь!

Раздался новый залп, и солдаты минской армии, пришедшие на противоположный берег за водой, чтобы потушить огонь, один за другим были сражены пулями и падали в воду.

Враги находились на виду, а они скрывались в темноте. Тоба Фэн, удерживая берег реки, сделал так, что никто не мог прорваться через линию обороны, чтобы набрать воды и потушить огонь. Пожар бушевал почти целый шичэнь, полностью уничтожив сотни тысяч повозок с провиантом и фуражом минской армии. Охранявшие припасы командующие и солдаты ничего не могли поделать и в панике бежали из моря пламени.

Тоба Фэн успешно вытеснил последние отряды минской армии на территорию пустыни, и Юньци невольно восхитился искусностью этой тактики. Таким образом, Чжу Ди лишился своей последней базы снабжения провиантом и фуражом, и его огромная армия не могла долго продержаться. Как только сражение с империей Юань закончится, независимо от победы или поражения, им придётся отступить ближе к Великой стене, чтобы искать новые пункты снабжения.

Юньци бросил ружьё в руки Чунь Лань и приказал:

— Женщина, защищай своего мужа. Сейчас некогда выделять людей для вашей охраны. Садись на коня и следуй за нами.

Тоба Фэн вскочил на коня, а Юньци свистнул, спустился с бархана пустыни Гоби и, встретившись с ним, протянул руку. Они крепко сцепили ладони, и Юньци, воспользовавшись силой рывка, взлетел на лошадь и уверенно уселся в седло.

— Ши-гэ, я думаю... — прокричал Юньци на ветру, — нам стоит предупредить зятя о засаде монголов.

— Зачем?

Тоба Фэн мчался верхом навстречу ветру, пока бушевала песчаная буря. Юньци, обняв его за талию и прижавшись к спине, чувствовал, что никогда в жизни не был в большей безопасности, чем в сейчас. Широкие плечи Тоба Фэна, его теплое тело полностью укрывали мужчину от ледяных ветров, дувших с северной пустыни.

Тоба Фэн повторил вопрос, и Юньци наконец ответил:

— Он не должен проиграть. Лучшим исходом будет, если монголов оттеснят к северу от озера Буир-Нуур, а ханьцы отступят за границу. Сейчас он ещё не знает, что мы сожгли его провиант. Если действовать быстро, то мы сможем устроить ловушку для Аргутая. Так, обе стороны станут равными по силе.

Тоба Фэн с усмешкой бросил:

— Вонзим им нож в спину.

Затем он взмахнул кнутом, и сотня с лишним тюркских всадников ускорила, скрывшись в бескрайней песчаной буре.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326111>